

RU

Дискурсивно ориентированное изучение невежливости в межгенерационном общении

Икатова И. И., Селифонова Е. Д., Храброва Е. С.

Аннотация. Цель исследования состоит в изучении деструктивных аспектов невежливого вербального поведения в двух возрастных группах (пожилые - молодые) во внутрисемейном и внесемейном общении с точки зрения молодого поколения. Анкетирование позволило выявить расхождение в понимании вежливого поведения двумя поколениями: преобладание стратегий позитивной вежливости среди людей пенсионного возраста и предпочтение стратегий дистанцирования среди молодежи. Научная новизна работы состоит в применении дискурсивного подхода к исследованию механизмов невежливого поведения в межгенерационной коммуникации. Полученные результаты показали отсутствие интенциональности в некоторых видах взаимодействия, в то время как в классических трудах по теории вежливости она традиционно считалась одним из аспектов невежливого поведения.

EN

Discursively Oriented Study of Impoliteness in Intergenerational Communication

Ikatova I. I., Selifonova E. D., Khrabrova E. S.

Abstract. The research aims to study the destructive aspects of impolite verbal behaviour in two age groups (the elderly - young people) in intrafamilial and extrafamilial communication from the viewpoint of the younger generation. The survey revealed a discrepancy in the understanding of polite behaviour between the two generations: the predominance of positive politeness strategies among senior citizens and the preference for distancing strategies among young people. Scientific novelty of the paper lies in applying a discursive approach to the study of impolite behaviour mechanisms in intergenerational communication. The research findings have shown a lack of intentionality in some types of interaction, while classical works on politeness theory traditionally considered it one of the aspects of impolite behaviour.

Введение

Настоящее исследование, проведенное в рамках теории вежливости первого порядка, рассматривает (не)вежливость с точки зрения молодых людей в вербальном поведении старшего поколения пенсионного возраста в России. Предметом изучения выступает невежливость, которая, в отличие от вежливого поведения, обладает повышенной салиентностью.

Актуальность данного исследования обусловлена необходимостью изучения дискурсивных практик в различных социальных контекстах конкретной лингвокультуры. Во-первых, проблема межличностной коммуникации между поколениями в связи с возрастающей тенденцией старения населения становится все более насущной, и понимание особенностей обработки сведений о мире людьми разного возраста не только дает представление о возможной динамике изменения норм и конвенций, существующих в данном обществе, но и помогает избежать нетерпимости, явной или скрытой конфронтации, предрассудков, то есть способствует созданию более гармоничного сообщества. Во-вторых, системное описание и понимание лингвистической (не)вежливости базируется на детальном изучении межличностного общения в самых разных контекстах с учетом диалектики специфического и универсального, частного и общего, конвенционального и окказионального. Более того, социопрагматических компаративных исследований вербального поведения коммуникантов с большой разницей в возрасте практически не проводилось.

Для выявления межгенерационной интерференции в рамках стратегий вежливости необходимо решить следующие задачи: определить методологический комплекс для описания вербального поведения интерактантов, классифицировать имеющийся материал, обобщить стратегии, принимая во внимание как оценки информантов, так и мнение независимых участников опроса.

Для решения поставленных задач в работе использовались методы анкетирования и обобщения языковых фактов; типологический метод; описательный метод с использованием таких приемов, как систематизация, классификация и интерпретация; элементы метода конверсационного анализа.

Теоретической базой статьи послужили труды основоположников теории вежливости И. Гоффмана, П. Браун и Д. Левинсона, сторонников дискурсивного подхода Р. Уотса, С. Иде и К. Илиха, исследователей неуместного/грубого поведения Дж. Кульпепера, Д. Бусфельда, отечественных лингвистов Т. В. Лариной, Ю. Е. Прохорова, И. А. Стернина, чьи наработки в области межкультурной коммуникации позволили описать особенности вербального поведения в русской лингвокультуре.

Практическая значимость исследования заключается в том, что, фокусируясь на контекстуальной и процессуальной природе дискурса, оно дает представление о сформировавшихся у молодых людей взглядах на нормы поведения людей пенсионного возраста. Рассматриваемые возрастные группы, с одной стороны, разделяют какую-то часть социальных конвенций, поскольку именно в результате сосуществования поколений происходит передача моральных ценностей, но, с другой стороны, молодые люди в процессе социализации вырабатывают собственные моральные принципы, согласно которым они оценивают старшее поколение. Результаты подобных исследований могут быть использованы в преподавании таких академических дисциплин, как социолингвистика, лингвистическая прагматика, теория межличностного общения, психология общения и др. Анализ внутрикультурного аспекта невежливости, а именно нетождественное восприятие коммуникативных событий представителями разных поколений, позволяет не только выявить различия в интерпретации конкретной ситуации и ее элементов, но и понять факторы, нарушающие эффективность коммуникации (Икатова, 2017), поэтому очень важно периодически проследить динамику изменений в концептуализации сведений о мире различными коллективными субъектами.

Основная часть

Дискурсивное направление в исследовании речевой вежливости (Watts, Ide, Ehlich, 1992) привело к смещению исследовательского фокуса с языковых форм на изучение мнения коммуникантов о степени (не)вежливости высказываний. В многочисленных конкурирующих между собой подходах к описанию (не)вежливого вербального поведения среди теоретиков начинает проследиваться некоторый консенсус о том, что в интерпретации общения, если оно претендует на валидность, должны присутствовать как позиция участников общения, так и позиция лингвиста-эксперта, знакомого с локальными нормами поведения.

Центральным концептом теории вежливости является понятие лица. Принимая во внимание такие параметры, как социально-психологическая дистанция, социальный статус и степень импозиции, П. Браун и С. Левинсон (Brown, Levinson, 1987) рассматривали поведение как вежливое, если в нем отсутствовала угроза лицу и присутствовали стратегии митигации. Невежливость вначале определялась как форма вербальной агрессии (Bousfield, Culpeper, 2008) в отношении слушающего, затем как *намеренное* вербальное нападение на партнера по общению, нанесение урона его негативному и позитивному лицу, причем воздействие грубого поведения на адресата анализировалось через испытываемые им эмоции (Culpeper, 2011).

Однако при этом лингвисты отмечали, что единого мнения о том, что считать грубостью, не существует и что угроза лицу не всегда присутствует в общении, которое можно рассматривать как невежливое (Culpeper, 2011). Исходя из этого, на социальном уровне (не)вежливость начали определять не нуждами лица, а *(не)уместностью* в соответствии с нормами, преобладающими в конкретном социуме (Sifianou, Tzanne, 2010). Данные предписания не только ограничивают наше поведение, но и создают определенные ожидания относительно поведения окружающих (Goffman, 1971). Когда члены отдельных групп, принадлежащих одной культуре, следуют разным социальным нормам, может возникнуть непонимание, что зачастую приводит к оценке поведения как невежливого.

Лингвисты традиционно относили русских к представителям культуры коллективного типа, в котором потребности, ценности и цели группы преобладали над потребностями, ценностями и целями индивида, давая людям ощущение уверенности и защищенности (Темницкий, 2002). В данном архетипе в вербальном взаимодействии преобладают стратегии сближения, взаимной поддержки и сотрудничества (Прохоров, Стернин, 2006). Однако в последние десятилетия коллективизм русских все больше ставится под сомнение и в обществе можно наблюдать скорее следы прошлой соборности, ее внешние формы, нежели ярко выраженное стремление жертвовать личными интересами ради общественного блага (Лебедева, 2000).

На основании многолетних исследований Т. В. Ларина (2009) отмечает, что для русской лингвокультуры, в отличие от английской, стратегии вежливости дистанцирования не столь типичны, в то время как оказание воздействия на собеседника не является нарушением норм общения и, в сущности, выступает как одна из русских коммуникативных доминант. Как мы увидим далее, картина преобладающих стратегий получает несколько иную детализацию в рамках изучения межпоколенческого общения.

Первый этап настоящего исследования включал в себя восприятие и фиксацию прецедента: участникам (45 студентам Брянского государственного университета им. академика И. Г. Петровского (БГУ) в возрасте от 19 до 23 лет) предлагалось в течение 3 месяцев записывать все взаимодействия, в которых, по их мнению, пожилые люди вели себя невежливо по отношению к собеседнику любого возраста. При этом объектом невежливого поведения мог быть как сам информант, так и третье лицо. Всего было записано 124 взаимодействия.

На втором этапе в процессе открытого (т.е. не предполагающего готовых вариантов ответа) анкетирования информантам предлагалось ответить на вопрос: «Почему Вы оцениваете слова интерактанта как невежливые?».

Для получения более объективной картины 50 студентов БГУ той же возрастной группы, не принимавших участия в первом и втором этапах, попросили изучить всю собранную на первом этапе информацию и ответить на вопрос: «Оцениваете ли Вы слова (действия) представителя старшего поколения как невежливые, и если да, то почему?» Такой подход позволяет квалифицировать ряд явлений не как частный дискурсивный феномен, а как социолингвистический факт, имеющий место в данное время в данном социуме.

Характер отчетов, представленных информантами и респондентами, позволяет разделить их на две большие группы: внутрисемейное взаимодействие (вербальный обмен с бабушками, дедушками, тетями, дядями и т.д.) и общение вне семьи (с/между незнакомыми людьми). Поскольку респонденты каждого этапа определяли также маркеры невежливого поведения, в каждой группе по итогам анализа анкет были выделены случаи взаимодействий, содержащих, во-первых, вербальные актуализаторы невежливости (адресатно-ориентированные языковые единицы с негативной коннотацией), во-вторых, контекстуальную невежливость (невежливость в конкретной ситуации в отсутствии ингерентно невежливых языковых средств), в-третьих, просодические компоненты (например, громкий/сердитый голос). Небольшую группу случаев составили примеры, где присутствовали два или все три маркера невежливости.

Внутрисемейное общение

(1) Поздняя осень. Внучка, одетая в короткую юбку и куртку, собирается в торговый центр. Бабушка замечает:

– *Холодно, а у тебя все наружу. Не та погода, чтобы ноги напоказ выставлять.*

Представитель старшего поколения считает своим долгом уберечь внучку от простуды, а также, возможно, от откровенных взглядов окружающих. Проявление внимания девушка считает вмешательством в свою личную жизнь. Стратегия позитивной вежливости (забота о здоровье и благополучии слушающего) рассматривается внучкой как импозитивность, т.е. угроза негативному лицу адресата. Дисгармонию во взаимодействии со слушающим создает, по ее мнению, также выбор языковых средств «у тебя все наружу» и «ноги напоказ выставлять», которые в данной ситуации выступают как актуализаторы невежливости. Однако в отчете информанта выражено также оправдание слов адресанта: «...бабушки обычно заботятся о внуках».

Следующий пример, по мнению участника интеракции, демонстрирует разное представление о нормах, что уместно/неприемлемо в конкретной ситуации.

(2) В семье, которая готовится сесть ужинать, гостит тетя.

– *Мам, если буду задерживаться, позвоню.*

– (В разговор вмешивается тетя.) *«Задерживаться»? Уже, наверное, и девушка есть, и не одна!*

– *Да нет, с друзьями погуляем...*

По мнению молодого человека, тетя проявляет излишнее любопытство к его личной жизни, заставляя оправдываться. То, что в представлении пожилой женщины звучит как комплимент (популярность среди лиц противоположного пола), юноша оценивает как «неуместный комментарий», касающийся слишком личного аспекта его жизни.

(3) Бабушка, несмотря на неоднократные просьбы внучки не входить в ее комнату без стука, снова заходит туда, чтобы попросить ножницы.

– *Бабушка, ну пожалуйста, стучать надо!*

– (громким и сердитым голосом) *Какие могут быть тайны от родных?! Чего стесняться?! (Забрав ножницы, уходит с обиженным видом.)*

По мнению девушки, именно разгневанный тон приводит в данном случае к антагонизму и конфронтации. Мягкая и дружелюбная тональность создала бы возможность избежать эскалации конфликта, обеспечив вербальное сотрудничество.

По мнению девушки, бабушка считает, что ее более высокий возрастной статус дает ей право повышать голос на внучку. Последняя рассматривает грубую интонацию как «неприемлемое поведение», полагая, что это «унижает достоинство» партнера по коммуникации. Относительно близкая социально-психологическая дистанция (кровное родство и тесное знакомство) и разница в возрасте не должны подразумевать коммуникативное доминирование.

Общение вне семьи

По сравнению с внутрисемейным общением данный вид коммуникации характеризуется большей социально-психологической дистанцией, поскольку интерактанты не знакомы друг с другом.

(4) Девушка, возвращаясь домой от подруги, вызвала такси. Шофер, мужчина преклонного возраста, оглядев севшую в его машину девушку, замечает:

– *В таком уродливом пальто можно было бы подождать маршрутку, а не вызывать такси.*

Девушка оценивает комментарий шофера о ее внешнем виде как «бестактный», а слово «уродливый» считает «грубым и недопустимым практически в любой ситуации».

(5) К девушке, ожидающей на остановке автобус, подходит пожилая женщина:

– *Деточка, а что это у тебя такое в носу?*

– *Это пирсинг...*

– *Зачем это тебе, ты молодая, красивая...* (Девушка отворачивается и уходит в другой конец остановки.)

Несмотря на отсутствие ингерентно невежливых языковых средств (здесь информант не квалифицирует обращение «ты» как недопустимое) и наличие комплимента («молодая, красивая»), девушка считает вопрос

«неуместным», поскольку пирсинг – это ее «личное дело, которое не касается посторонних людей». Более того, слова женщины («*Зачем это тебе...*») выражают явное неодобрение изменением внешности девушки, в то время как для нее это способ акцентировать красивые черты лица.

(6) Девушка направляется в кабинет врача, после того как медсестра пригласила пациента с талоном на 11 часов. Пожилая женщина громко с возмущением говорит:

– *Я тут с 8 часов сижу. Молодая... Можно было бы и пропустить тех, кто постарше.*

По словам девушки, если бы ее вежливо попросили, она уступила бы свою очередь женщине, но «явное отсутствие уважения» и «крикливый, оскорбительный тон уничтожают всякое желание помочь».

В отчетах встречается небольшое количество случаев, когда в интеракции присутствовали все три компонента.

(7) В автобусе два молодых человека обсуждали сдачу экзамена для получения водительских прав. По словам информанта, они говорили негромко и не употребляли нецензурную лексику. Через некоторое время, когда мужчина, сидящий напротив, привстал, женщина рядом с ним спросила, собирается ли он выходить, на что мужчина сердито громким голосом ответил:

– *Да! Надоело этот молодой бред слушать! Достали!*

По словам информанта, «все в автобусе начали на них оглядываться и смотреть, как будто они совершили какое-то преступление». Молодой человек посчитал реплику мужчины «несправедливой и недопустимой».

Таблица 1. Статистика проявления невежливости в двух исследуемых группах

Маркер проявления невежливости	Внутрисемейное общение	Общение вне семьи
Адресатно-ориентированные речевые единицы с отрицательной коннотацией	18 (22%)	29 (98%)
Контекст	26 (23%)	22 (95%)
Просодические средства	10 (35%)	9 (100%)
Сочетание 2 или более маркеров невежливости	4 (69%)	5 (100%)

(Указано количество случаев и процент респондентов, поддерживающих мнение информанта о невежливом поведении старшего поколения.)

Интересно, что, комментируя внутрисемейные отношения (см. Таблицу 1), большая часть респондентов не поддерживает негативную оценку информанта, ссылаясь на «благожелательность намерений», «заботу о благополучии», «переживания за судьбу» внуков со стороны прародителей. Исключение составляют лишь случаи, содержащие несколько маркеров невежливости. Здесь респонденты указывают на «авторитарность», «стремление подчинить», попытки «доминирования».

Оценивая проявление невежливости во внесемейном общении, опрашиваемые отмечают, что, по мнению старшего поколения, именно возрастной статус наделяет их «правом требовать преимуществ»: уступать место в транспорте, покупать или пользоваться услугами без очереди, задавать слишком личные вопросы или критиковать. Молодое поколение не рассматривает «возраст как привилегию» и ожидает от старших более вежливого поведения. Обращение на «*ты*» большинство (64%) рассматривает как «фамильярность», а в определенных контекстах (например, в сочетании с лексикой, несущей негативную коннотацию) как «унижение». В отличие от комментариев, оправдывающих поведение старших во внутрисемейном общении, в данном виде интеракций оценки информантов и респондентов во многом совпали.

Заключение

Таким образом, выбранная нами дискурсивно ориентированная модель изучения (не)вежливости, предполагающая ситуативную оценку поведения интерактантов самими участниками общения на основе анализа его уместности, позволила классифицировать эмпирический материал в зависимости от характера маркера невежливого поведения. Интерпретация речевых произведений выявила наличие в них вербальных актуализаторов невежливости, контекстуальной невежливости и просодических компонентов, реализующих неодобряемое респондентами речевое поведение.

Теоретическое осмысление комментариев участников опроса позволило сделать следующие выводы. В рассмотренных видах общения наблюдаются преобладание стратегий позитивной вежливости со стороны старшего поколения и предпочтение стратегий дистанцирования со стороны молодежи. Молодые люди придерживаются идеей эгалитарного общества, претендуя на независимость и большее уважение своих прав.

Во внутрисемейном общении молодежь стремится к большей автономии и самостоятельности, что отражает преобладание стратегий негативной вежливости, в то время как для старшего поколения стратегии сближения, проявления явного интереса к партнеру по коммуникации, т.е. позитивной вежливости, играют немаловажную роль. В целом, не одобряя импозитивности в общении, но оправдывая речевое доминирование родственными связями и более высоким возрастным статусом, молодые люди (и информанты, и респонденты) в большинстве случаев отрицают наличие негативных интенций в коммуникации старшего поколения. В общении вне семьи молодые люди более категорично отвергают иерархическое разделение по возрастному

принципу, отстаивая равенство и, следовательно, взаимную вежливость в любом виде взаимодействия. В обоих видах общения молодые люди остро ощущают свой более низкий статус и не принимают необоснованные претензии на коммуникативные привилегии со стороны старшего поколения.

Перспективы дальнейшего исследования проблемы мы видим, во-первых, в расширении географии и увеличении численности участников опроса, поскольку анализ множества локальных норм может выявить иную динамику в оценке межпоколенческого взаимодействия. Во-вторых, интересной представляется точка зрения старшего поколения на характер семейного и внесемейного общения. Учет гендерного аспекта, образования и других социологических факторов также даст более полную картину особенностей коммуникации поколений.

Источники | References

1. Икатова И. И. Инициация вербального взаимодействия между представителями среднего класса английской лингвокультуры: автореф. дисс. ... к. филол. н. Брянск, 2017.
2. Ларина Т. В. Категория вежливости и стиль коммуникации. М.: Языки славянских культур; Рукописные памятники Древней Руси, 2009.
3. Лебедева Н. М. Базовые ценности русских на рубеже XXI века // Психологический журнал. 2000. Т. 21. № 3.
4. Прохоров Ю. Е., Стернин И. А. Русское коммуникативное поведение. М.: Флинта, 2006.
5. Темницкий А. Л. Социокультурные факторы трудового поведения промышленных рабочих // Социологический журнал. 2002. № 2.
6. Bousfield D., Culpeper J. Impoliteness: Eclecticism and Diaspora. An Introduction to the Special Edition // Journal of Politeness Research. 2008. Vol. 4. Iss. 2.
7. Brown P., Levinson S. C. Politeness: Some Universals in Language Usage. Cambridge: Cambridge University Press, 1987.
8. Culpeper J. Impoliteness: Using Language to Cause Offence. Cambridge: Cambridge University Press, 2011.
9. Goffman E. Relations in Public: Microstudies of the Public Order. N. Y.: Basic Books, 1971.
10. Sifianou M., Tzanne A. Conceptualizations of Politeness and Impoliteness in Greek // Intercultural Pragmatics. 2010. Vol. 7. Iss. 4.
11. Watts R., Ide S., Ehlich K. Politeness in Language. Studies in Its History, Theory and Practice. Berlin: Mouton de Gruyter, 1992.

Информация об авторах | Author information

RU

Икатова Инна Ивановна¹, к. филол. н.
Селифонова Елена Дмитриевна², к. филол. н., доц.
Храброва Екатерина Сергеевна³, к. филол. н.
^{1, 2, 3} Брянский государственный университет имени И. Г. Петровского

EN

Ikatova Inna Ivanovna¹, PhD
Selifonova Elena Dmitrievna², PhD
Khrabrova Ekaterina Sergeevna³, PhD
^{1, 2, 3} Petrovsky Bryansk State University

¹ ikatova_inna@mail.ru, ² idiomal@yandex.ru, ³ indivisibility@inbox.ru

Информация о статье | About this article

Дата поступления рукописи (received): 07.02.2022; опубликовано (published): 31.03.2022.

Ключевые слова (keywords): теория вежливости; дискурсивный подход; межпоколенческая коммуникация; невежливость; анкетирование; politeness theory; discursive approach; intergenerational communication; impoliteness; survey.